

Андреева Виктория

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Собственное расследование

Чернобыльский распад

Виктория Андреевна Андреева

Чернобыльский распад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66427208

SelfPub; 2022

Аннотация

В 1986 году на Чернобыльской атомной электростанции произошла авария. Данная книга откроет вам вид от третьего лица. Вы будете читать о том, как глобальная катастрофа повлияла на людей, что они тогда чувствовали, как всё это видели своими глазами. Невозможно представить, какой ужас и мрак охватил в те годы не только СССР, но и западные страны, которые тоже поглотила радиация.

Содержит нецензурную брань.

Виктория Андреева

Чернобыльский распад

Как известно, в 1986 году на Чернобыльской атомной электростанции произошла авария. В атмосферу было выброшено большое количество радиации вместе с ядерным топливом и графитом, который ужасно «фонил». Возле станции фон достигал до 15 тысяч рентген в час, возле активной зоны в реакторном отделении- до 30 тысяч рентген в час. Это огромные цифры. Просто представьте, норма для человека- около 30 микрорентген в час. В одном рентгене- миллион микрорентген, а на станции были десятки тысяч таких рентген в час. Человеку достаточно было провести там минуту, как его жизнь уже сократится вдвое. А что же говорить о пожарных, о работниках, которые работали там часами без защиты и сами не представляли, что же произошло? Все они поступили в больницу с признаками острой лучевой болезни вследствие однократного радиационного облучения.

Многие не знали, что Анатолий Дятлов- заместитель главного инженера Фомина, был нанят буквально бездумно, ошибочно... Григорий Медведев, написавший книгу «Чернобыльская тетрадь», рассказывает о том, что сам лично видел резюме Дятлова, и знал этот человек о реакторе лишь из учебника по физике. Григорий был против такого работ-

ника, однако, когда он уехал, Брюханов принял Анатолия, а со временем и повысил его. Разве так можно? Это не работа продавцом, тот, кто идет работать на станцию, на него сразу же возлагается ответственность за жизни многих людей. Ведь при любой ошибке, допущенной даже случайно, этот человек уже подписывает смертные приговоры людям, которые будут ликвидировать эту ошибку. А что же на счет строительства станции? Что же о том, что под реактором РБМК был установлен прочно-плотный бокс, который не предусмотрен для таких типов реакторов? Что же можно сказать о том, что графита для замедлителя урана использовали больше и пошло «перезамедление»? Все это- ошибки человечества и вина здесь не только Топтунова, Акимова, Дятлова, Брюханова, Фомина. А еще и всех тех людей, который строили станцию, тех, кто безответственно относился к своей работе. Ведь из-за них умирали сотни тысяч человек. А сколько боли принесла потеря человека семье. На одном примере семье Ингатенко руки дрожат, невозможно представить, что же тогда чувствовала Людмила. А ведь это только одна семья...

Владимир Шашенок, который находился во время взрыва в 604 кабинете, получил огромное количество радиационных ожог и умер в 6 часов того же дня в медсанчасти города Припять. Из-за разрушения реактора, в том самом кабинете прорвало трубу, и вся горячая и радиоактивная вода полилась на Владимира. Прижатый балкой, умирающий от боли,

он лежал так на протяжении 10 минут, прежде чем его нашли Пётр Паламарчук и дозиметрист Николай Горбаченко.

Валерий Ходемчук нашел себе могилу в помещении ГЦН, где его накрыло радиоактивными обломками, его там же искал Валерий Перевозченко- начальник смены реакторного цеха. Обжигая руки о ядерное топливо, он кричал его имя, надеясь получил ответ. Пройдя чуть дальше, где находился пост акимовской вахты, он увидел лишь завалы. Тело Ходемчука так и не найдено.

Кургуз и Генрих работали рядом с реактором. Их отделили 2 открытые двери. За несколько секунд до происшествия Кургуз ждал, когда им выдадут следующие поручение. А Генрих отошел в рядом находящуюся небольшую комнатку. Когда взрывная волна ядерного топлива пронеслась рядом с ними, Кургуз тут же бросился закрыть двери, получая ядерный удар, дополз до Генриха и они легли на пол, ведь там было холоднее... За несколько мгновений им стало ужасно жарко, их кожа стала бурой и висела также, как одежда, которая была больше на 2 размера. У Кургуза с лица и рук сильно шла кровь. Оба схватили по шестьсот рентген. Затем они попытались выйти, встретились со стажерами и были доставлены в медсанчасть в ужасном состоянии. Через несколько минут после этого в то же самое помещение прибежал Перевозченко, пытаясь найти и вытащить своих товарищей. Но он лишь тратил время впустую, не зная, что коллеги уже на пути в медсанчасть. Сам Валерий полу-

чил огромное количество радиационных ожогов. Он догадывался об опасности, видя всю страшную картину взрыва, но жизни друзей для него были куда важнее собственной. Придя к Акимову, он доложил о происходящем:

–Реактор разрушен, Саша... Надо уводить людей с блока...

–Реактор цел! Мы подадим в него воду!– запальчиво возразил Акимов. –мы все правильно делали. Иди в медсанчасть, Валера, тебе плохо... Но ты перепутал, уверяю тебя... Это не реактор, это горят строения, конструкции. Их потушат...

Вот что делает с человеком уверенность в том, что все хорошо. Акимов мог догадываться, но как все не мог поверить, он боялся огласки начальства, но разве он не понимал, что одной лишь надеждой изменить такую масштабную катастрофу невозможно?

Сначала больных, заражённых работников вели к первому блоку, где был пункт первой помощи АБК-1 (административно бытовой корпус), однако он был закрыт, как и помещение, в котором находились хорошие дозиметры. Поэтому всех направляли к машинам скорой помощи, где одними из первых дежурили фельдшер Саша Скачок и педиатр Белоконь, пока их самих не повезли в больницу с признаками лучевой болезни.

А все ведь были уверены, что взорвался бак аварийной подачи воды СУЗ, мол ожоги не радиоактивные и реактор

цел. Однако, многие догадывались о серьезности катастрофы, но не хотели в это верить.

Анатолий Дятлов был уверен в своих словах. Он вместе с дозиметристом пошел вокруг четвертого блока замерять радиацию. Как только они вышли, тот сказал, что на приборе зашкал. На что в ответ получил только матерную ругань. Вот тот самый разговор из книги «Чернобыльская тетрадь»:

– Активность?– спросил Дятлов дозиметриста.

–Зашкал, Анатолий Степанович... Кха-кха! Ч-черт! Сушит глотку... На тысяче микрорентген в секунду- зашкал...

– Японские караси!.. Приборов у вас ни хрена нет! В бирюльки играете!..

– Да кто думал. Что будут такие поля?– вдруг возмутился дозиметрист. – В каптерке есть один радиометр со шкалой на десять тысяч рентген, да закрыта. А ключ у Красножона. Да только к каптерке той, я смотрел, не подобраться. Завалило её. И «светит» дай бог. Без прибора чувствую...

–Индюки! Японские караси! Прибор в каптерке держат! Обалдуи! Носом измеряй!

–Да я и так уж измеряю, Анатолий Степанович...– сказал дозиметрист.

– Если бы только ты... Я ведь тоже измеряю, сукин ты сын! – кричал Дятлов. – А ведь не должен. Это твоя работа... Усёк!?

После того, как они подошли ближе к блоку Т, то увидели возвышающийся горой завал.

– Е-мое!– воскликнул Дятлов. – Что натворили! Крышка!

Дозиметрист щелкал туда-сюда переключателем диапазонов, бормоча: «Зашкал... Зашкал...»

– Выбрось ты его к едрене фене!.. Японские караси... Пошли в обход вокруг машзала...

Заместитель главного инженера лично видел графит, ходил по нему, но отказывался верить, что реактор взорвался. Но как же так? Они могли спасти жизни многих, если бы изначально при строительстве не допускали ошибок, если бы во время испытаний не отходили от программы, не отключали локальные системы, если бы сказали, что реактор взорвался, ведь графит на земле с ядерным топливом излучают радиацию... Но они этого не сделали. Мы никогда не сможем понять, что было тогда ну них в голове. Возможно, они хотели донести о проблеме, но было уже поздно. Уже не было времени что-либо изменить, ведь ошибка уже допущена.

Что же на счет пожарных?

Первым прибыл караул лейтенанта Правика, он был брошен на тушение кровли машзала, так как он был соединен с другими блоками и боялись, что пожар распространиться на 3,2 и 1 блок. Так как все приказы отдавал Леонид Телятников, то во время его отсутствия ответственность на ликвидацию огня взял на себя Правик. Не раз поднимался на крышу ужасно фонящего блока Б, чтобы получше рассмотреть ситуацию и определить тактику борьбы с пожаром, подходил к реактору. Когда же прибыл Телятников, Правик стал его

правой рукой. Позже прибывший караул Кибенка был брошен на тушение реакторного отделения. Там пламя бушевало на разных отметках. В эту борьбу бросились Кибенок, Титенок, Ващук, Тищура, Игнатенко. После тушения огня они пытались ликвидировать радиоактивную волну, выходящую из жерла реактора. Игнатенко хорошо дружил с Кибенком. Василий с Людмилой часто встречались с их семьей, играли в шахматы, ведь это была их любимая игра. Как только Игнатенко перешел к Кибенку, так караул словно ожил. Они часто шутили и радовались жизни. Ведь что же еще для жизни надо? Верные друзья, любящая семья- и есть роскошная жизнь, которой позавидует любой.

Через несколько часов пожарным стало плохо, их по очереди отвозили в медсанчасть, где промывали раны молоком. И женам говорили, что им в день надо выпивать по 3 литра молока, как же ошибочно это было, ведь их сильно рвало, такие ожоги молоком не залечишь .А тело их менялось с каждым часом, с каждым прикосновением...

А вот фрагмент записи, сделанной одним пожарным в 6-ой клинике Москвы:

«Во время взрыва находился возле диспетчерской, на посту дневального. Вдруг послышался сильный выброс пара. Мы этому не придали значения, потому что выбросы пара происходили неоднократно за моё время работы. Я собирался уходить отдыхать, и в это время- взрыв. Я бросился к окну, за взрывом последовали мгновенно следующие взрывы.

Я увидел чёрный огненный шар, который взвился над крышей машинного отделения четвертого энергоблока».

Ведь и пожарные, и работники чувствовали металлический привкус, будто батарейку съел, со временем пришла тошнота, ужасная головная боль, резь в глазах, но никто и не думал об опасности.

К 5 часам утра пожар был потушен, а те, кто его тушили уже добровольно выбрали себе могилы. Казалось бы, из-за одной ошибки погибло столько людей. Но чтобы совершить эту ошибку понадобилось несколько лет, дополняя её различными безответственными действиями, думая, что советский реактор РБМК не взрывается и полностью безопасен.

Сторож, Даниил Тереньтевич Мируженко, сидящий в управлении Гидроэлектромонтажа, которое находится в трехстах метрах от блока, рассказывал, что услышал первые взрывы, подбежал к окну. В это время раздался последний мощный взрыв ,и яркая световая вспышка озарила помещение. Вздогнули стены, задрезбуждали и частью повывлетали стекла, потрянуло под ногами. В ночное небо взлетел столб пламени, искры, раскаленные куски чего-то. В огне взрыва кувыркались обломки бетонных и металлических конструкций. Это взорвался атомный реактор, щедро выбрасывая все новые и новые порции радиации. Мируженко бросился к телефону и позвонил в Управление строительства Чернобыльской АЭС, но никто не ответил. Часы показывали половину второго ночи. Дежурный отсутствовал или спал. Тогда сто-

рож позвонил начальнику управления Гидроэлектромонтажа В. Ф. Выпирайло, но того тоже не оказалось дома. Видимо, был на рыбалке. Мируженко стал дожидаться утра, рабочего места не покинул.

На расстоянии 400 метров от четвёртого энергоблока оператор бетоносмесительного узла комбината строительных конструкций Чернобыльской АЭС Ирина Петровна Цечельская, находясь на смене, также услышала взрывы-четыре удара, но осталась работать до утра. Она не могла покинуть свой пост, ведь заготавливались материалы для строящегося пятого блока. Она слышала плеск, треск и клекот бушующего пламени над крышей машзала. Это горели керамзит и битум кровли, подожженные ядерным запалом. Продолжая работу, Ирина думала: «Потушат!».

А ведь в это время, в субботнюю ночь недалеко от ЧАЭС сидели рыбаки. Кто-то в двух километрах, кто-то в двухстах сорока метров. Они были первые, кто видел эту ужасную картину со стороны, как будто читали книгу и представляли события. На их глазах произошла самая сильная техногенная катастрофа. Сначала они слышали два глухих, словно подземных взрыва внутри блока. Только потом, с ослепляющим выбросом пламени, взрыв реактора с фейерверком разбрасывал куски раскалённого топлива и графита. Но они не догадывались об опасности. Ну, что-то там рвануло, бочка с бензином, что ли... Они продолжали ловить мальков. У них на глазах развернули свои пожарные расчеты Правик

и Кибенок, люди бесстрашно взбирались на тридцатиметровую высоту и бросались в огонь.

—Глянь! Видал? Один пожарник аж на блок В залез (плюс 71 метр над землей)! Каску снял! Во даёт! Герой! Жарко, видать...

Рыбаки схватили по 400 рентген каждый, ближе к утру у них начались признаки лучевой болезни. Состояние было, как после похмелья. Ужасная резь в глазах, чувство, будто что-то обжигает внутри грудь, голова изматывающая и непрекращающаяся тошнота. За ночь их кожа стала бурой, складывалось ощущение, что они несколько дней сидели под палящим солнцем. Это был ядерный загар. Скорее всего, они несколько раз пожалели, что в ту ночь сидели на рыбалке, ведь они жертвовали собой, даже не подозревая об этом

От градирен недостроенного пятого блока было видно, как люди шли к четвертому, чтобы сменять своих облученных коллег и повторять их участь.

В то время, пока нынешние ликвидаторы боролись, сами не понимая с чем, Брюханов доложил до Москвы, что реактор цел, взорвался бак СУЗ, как ему и сообщили работники БЩУ4. В ответ на это ему прислали сообщение с приказом подавать воду в реактор, охлаждать его. Радиационная вода шла вниз, в грунт и создавала еще больше проблем. Главный инженер Фомин то был уверен, что они быстро ликвидируют пожар и ходил с гордо поднятой головой, то метался из стороны в сторону, был растерян и раздражителен. Тоже самое

было и с Брюхановым. А что на счет радиоактивного фона? Так как было невозможно попасть в помещение с хорошими дозиметрами, то пользовались дозиметром на 3,6 рентген. Он зашкаливал. Так и сообщили, что фон 3,6 рентгена в час, работать можно 5 часов. Но за эти 5 часов работы человек бы уже умер от острой лучевой болезни. А ведь представьте, так фонило на станции, а что же о её окрестностях? Ведь ветер разносил радиацию на сотни километров каждый час.

В Припяти, которая находится в 3-ех километрах от ЧАЭС фон утром 26-ого апреля был уже около одного рентгена в час. А ведь люди и не знали. Дети спокойно играли в песочнице, свадьбы шли, хлеб несли без пакетов, просто в руках. Жизнь кипела. Сама по себе Припять притягивает своей дочернобыльской атмосферой. Ведь все цветущие сады, современные дома, множество культурных заведений, красивые парки- все это было как отдельный мир. Первый киевский супермаркет с огромным ассортиментом товаров был открыт в Припяти. Люди толпами стояли там, чтобы купить что-нибудь вкусное. А сколько же там мест для досуга. Кинотеатр «Прометей», Дворец Культуры «Энергетик», парк аттракционов, стадион- все это радовало глаз. Город жил, он был цветным, ярким. С каждым днем огонёк угасает все больше и больше, он становится темнее и тусклее, но в наших воспоминаниях он останется молодым, живущим, не заросшим деревьями городом. Просто представьте, все ходили друг к другу в гости. Никто не подозревал, что случить-

ся что-то плохое, но в один момент жизнь людей поделилась надвое. Теперь они уже чернобыльские люди и никогда не станут прежними. Невозможно что-либо менять, судьба сама выбрала им путь.

Из рассказа горожанки несколько ребят утром решили поехать на станцию Янов, оттуда было лучше видно как станция горит... Взяли велосипеды и поехали. Пробыли они там несколько часов, а потом были доставлены в медсанчасть. Они еще не знали, что там прошло одно из первых радиоактивное облако, по теперь уже известному западному пути, по самому загрязнённому.

Ведь все готовились к 1 мая, что же может случиться? Для всех это был обычный субботний день. Непокойно было женам, детям, родителям тех самых пожарных, работников станции, которые болезненно и медленно умирали в Припятской МСЧ-126. Они пытались к ним пройти, но их не пускали, лишь говорили, что они отравились газами, но радиация в тот день не упоминалась. А они все упорно стояли и стояли. Затем вышел врач, сказал, что больным понадобится одежда, то, во что их будут переодевать. Жены ринулись по домам собирать всё нужное. А когда вернулись уже никого не было. Абсолютно никого. Их специально обманули, сказали, чтобы они ушли, а сами за это время увезли всех уже в шестую клинику Москвы. Я не знаю как это воспринять, но я думаю, что они сделали это не только потому, что им будут мешать, а чтобы семьи не видели этой ужасной карти-

ны. Эти окровавленные тела, которые потихоньку начинают опухать и медленно умирать. Не умирает только душа. Она живет в человеке, даёт ему совесть, чувство долга, обязанности. Так и в этих героях были чувства обязанности и долга перед людьми. Они понимали, что им плохо, но они тушили огонь. Пожарных нельзя считать виноватыми, ведь их никто не предупредил об опасности, никто им не сказал о случившемся, хоть никто и так не знал.

26 апреля в Москве ЦК КПСС уже создал комиссию по ликвидации катастрофы. По известному сериалу от hbo об опасности сказал лишь Легасов. Однако, в этот день об этом догадывались и многие чиновники, прибывшие из Москвы на самолете, они и видели картину разрушенного блока, тот самый горящий графит. Но ведь время уже упущено. Все дела решаются только через одобрение комиссии из Москвы. Нужно было эвакуировать людей, каждому дать по таблетке йодистого калия, но этого не сделали. Лишь отцепили город, поставили наряд милиции, военных.

27 апреля пустили только одну электричку на станции Янов. Народу было много, сесть на нее было практически невозможно. По итогу было принято решение в 14:00 произвести эвакуацию жителей Припяти, звучало это так: "*Внимание, внимание! Внимание, внимание! Внимание, внимание! Уважаемые товарищи! Городской совет народных депутатов сообщает, что в связи с аварией на Чернобыльской атомной электростанции в городе Припяти складывается*

ся неблагоприятная радиационная обстановка. Партийными и советскими органами, воинскими частями принимаются необходимые меры. Однако, с целью обеспечения полной безопасности людей, и, в первую очередь, детей, возникает необходимость провести временную эвакуацию жителей города в населенные пункты Киевской области. Для этого к каждому жилому дому **сегодня, двадцать седьмого апреля, начиная с четырнадцати ноль ноль часов**, начиная с четырнадцати ноль ноль часов, будут поданы автобусы в сопровождении работников милиции и представителей горисполкома. Рекомендуется с собой взять документы, крайне необходимые вещи, а также, на первый случай, продукты питания. Руководителями предприятий и учреждений определен круг работников, которые остаются на месте для обеспечения нормального функционирования предприятий города. Все жилые дома на период эвакуации будут охраняться работниками милиции. Товарищи, временно оставляя свое жилье, не забудьте, пожалуйста, закрыть окна, выключить электрические и газовые приборы, перекрыть водопроводные краны. Просим соблюдать спокойствие, организованность и порядок при проведении временной эвакуации . "

И ведь сообщили, что эвакуируют на 3 дня. А люди верили... В Припяти проживало около 52 тыс. человек. Город площадью 450 га. Квартир с общежитиями было 15.700. За 2 часа 45 минут город покинуло около 40 тысяч человек. В

это же день и словили первых мародеров. Это был парень, лет 17. Он разбил окно ларька, чтобы достать сигареты.

И это только начало... К 3-м часам в Припять уже приехали многие ученые, работники. Но все они сейчас зовутся ликвидаторами, все они равны. Приехал и В. Легасов.

Один физик сообщил, что Валерий их послал в гостиницу, сказал что работать начнут завтра, а сегодня отдыхать. В вестибюле они увидели плачущую женщину с ребенком лет десяти. Они почему-то не уехали. Столовая находилась почти рядом. Ужин там бесплатный, так как она ликвидировалась. Бери все, что хочешь даром. От приоткрытого окна сильно фонило, поэтому к нему не подходили. Утром и днём было небольшое парение. Были видны выбросы радиации в атмосферу.

Также по городу ходили отряды милиции, солдат. Они занимались чисткой дорог, замеряли фон в подъездах. Им чётко давались указания сколько они будут работать, чтобы не получить сильных доз. Некоторые даже видели местных бабушек и дедушек из сел, которые специально пили водку, делая вид, что это дезинфекция. Однако, водка только задерживает радионуклиды. Хорошо помогает натуральное красное вино из винограда, оно выводит радиацию из организма. Когда солдаты заканчивали работу, то вечером они шли на крышу, видели как реактор выпускает порцию облучения в виде черного облака. И это облако медленно плыло, оседая на парк аттракционов.

Ликвидаторов было много, и ни один из них не отступил от своей работы. Ведь если бы не они, то никто не знает, что бы было сейчас. Радиация- это не шутки. Она опасна. Это невидимый враг, который проникает в человека и убивает его изнутри.

М. Ключков- полковник, кандидат технических наук. Рассказывает:

« В городе (Чернобыле) заканчивалась эвакуация. Проходила она достаточно спокойно и организованно, несмотря на 10-тысячную численность жителей. Этому, безусловно, способствовало предупреждение о возможной эвакуации, сделанное председателем горисполкома Чернобыля. Поскольку это предупреждение не было ни с кем согласовано, председатель горисполкома был исключен из рядов КПСС «за создание паники». Но так как никакой паники не последовало, через две недели он был возвращен в лоно родной партии. Жизнь кипело только днем в центре города. Тишина и спокойствие стали гнетущими. Это впечатление еще усиливалось с наступлением темноты. Казалось, что мы попали в какой-то фантастический мир, в котором жители города были унесены какой-то неведомой злой силой. Дома стояли без единого огонька, закрытые и заколоченные. На нереально пустых темных улицах даже тихий человеческий голос или треск сухой ветки под ногами звучал кощунственно громко. Единственными постоянными обитателями города были многочисленные домашние животные: собаки, кошки,

кролики, домашняя птица, которые с любопытством или с надеждой смотрели на редких прохожих- не вернулся ли хозяин? Изредка можно было увидеть и привязанных (не сумевших отвязаться) сторожевых псов, хозяева которых, очевидно, надеялись скоро вернуться. Исхудавшие, со свалявшейся шерстью и слезящимися глазами, они могли только тихо рычать, если кто-то подходил близко. Примерно 10-12 мая большинство собак и кошек были расстреляны специальными командами и захоронены за пределами города с целью предотвращения распространения возможных заболеваний и выноса радиоактивного загрязнения за пределы 30-километровой зоны. Кроликов и птицы к тому времени практически не осталось, скорее всего, они служили пищей для одичавших собак».

В. Киселёв, инженер управления №157:

«Утром вместе с начальником на машине отправился к реактору. Дорога проходила через безлюдные деревни, в которых бродили куры, собаки и лошади. Все это вызывало ощущение какой-то фантастической нереальности. На полпути нас остановили на посту дозиметрического контроля, записали в журнал и выдали дозиметры, которые были устаревшими и фиксировали только единовременную дозу излучения более 1 рентгена в час. Как потом выяснилось, полная фактическая радиация, которую мы накопили за время пребывания в зоне, приборами не зафиксирована, и мы так и не узнаем никогда, какова настоящая цена нашей

работы там. Но это не самое удивительное. Например, когда уже во время работы у реактора нам прислали на подмогу солдат, то оказалось, что на тридцать солдат имеется только один дозиметр у командира взвода. Так была поставлена работа по обеспечению безопасности.

Внутри котлована на карте дозиметрической обстановки, которую нам выдавали каждый час, уровень радиации составлял в среднем 1,5-2,5 рентгена в час. Но вокруг котлована и на подходах к нему по поверхности валялись разбросанные взрывом куски графита, и уровень радиации колебался от 40 до 400 рентген в час, а в одной точке даже 800 рентген в час. Так как наши работники при производстве буровых работ были вынуждены время от времени подниматься на поверхность за складированным там буровым инструментом, то увеличивался риск облучения. Предельная доза облучения на одного работника была установлена 25 рентген, после чего он от работы отстранялся и эвакуировался. Чтобы уменьшить текучесть кадров, мы обратились к командующему химическими войсками с просьбой по возможности расчистить территорию. Наше желание было выполнено очень просто: приехали солдаты, вручную погрузили куски графита на автомобиль и увезли».

Вот так бездумно относились власти к жизням людей. Невозможно представить ту страшную картину, которая вырисовывалась на глаза людям, находившимся у четвёртого блока. Тысячи обломков графита, до сих пор огненное ядер-

ное топливо лежало вокруг станции. Баки СУЗ были отчетливо видны под завалами. С утра уже никто и понять не мог, как пожарным хватило сил взобраться к эпицентру и стоять тушить огонь несколько часов. Ведь не смотря на плохое самочувствие, они все равно продолжали упорно работать. Но что же они тогда чувствовали? Резь в глазах, жар, постоянно подступающую тошноту. Но что же об опасности? Ведь однозначно кто-то догадывался, но чувство долга были выше всего.

Тех смертей было не избежать. Было просто невозможно предупредить всех сразу, ведь за эту ошибку люди долго еще будут платить, принося в жертву собственные жизни.

Выбросы радиации прекратились к 10 мая. В это время приняли решение засыпать реактор песком и бором. Каждый вертолёт в день делал около 100 ходок. Так как пяточок реактора был наклонён, под тяжестью налегавшего сверху песка и бора, он перевернулся и встал в привычное положение. Вместе с душераздирающим звуком из жерла реактора выпустился черный клуб дыма. Всё происходящее приняли за взрыв, но потом поняли о случившемся.

Тот самый сторож видел, как ядерное облако в ночь катастрофы пронеслось над сосновым леском, который уже на всю жизнь останется Рыжим. Он не подпускает к себе ни одного живого существа. В процессе ликвидации деревья вырубали, закапывали под землю, но огородившись от всех, лес до сих пор ужасно фонит и хранит свои тайны.

Многие жители не закрыли свои окна, из-за чего в их квартирах дозиметры просто зашкаливали. Приняли решение, что все радиоактивные вещи будут закапывать недалеко от города. Солдаты скидывали одежду, книги, мебель с балконов, после чего погружали в машину и увозили на захоронение. Тоже самое делали и с техникой. Отвели особое место. Однако, на киевских рынках часто встречалась мебель, которая фонила.

Но ведь зачем это делали? Ради того, чтобы нажиться на этом? Заработать? Это было так бездумно, ведь они знали, что вещи радиоактивные, но все равно пытались найти выгоду, продавая их на рынке и не думая о жителях других.

Многие села, такие как Копачи, где дезактивацию произвести уже невозможно, закапывали.

Что же происходило за периметром уже пустынной, но все еще живой зоны отчуждения? Облученных пожарных, работников станции, горожан привозили в шестую клинику Москвы, где заведующей была Ангелина Гуськова. За несколько лет до аварии, она работала на «Маяке». Это было закрытое ото всех место, где она занималась изучением лучевой болезни. Там она спасла немало жизней. Как-то на предприятии произошла утечка плутония, огромные дозы получили множество женщин, большинство из них спасла именно Гуськова. Вследствие изучения разработали препарат Б, который позволяет своему носителю некоторое время находиться в радиоактивной зоне и защищает его от попада-

ния в организм радионуклидов. Однако, при ликвидации на ЧАЭС его не использовали, потому что облучение там было просто огромным, и никакой препарат не смог бы помочь.

Людмила Игнатенко на протяжении всей болезни мужа была рядом с ним. Именно в этой больнице она встретила Гуськову, когда искала палату Василия. Она носила ему еду, но носила недолго. Вскоре он не смог уже есть, его сильно рвало, он захлебывался собственными органами. Когда его поднимали с кровати, то кусочки кожи оставались на постели, а она все это видела, все это убирала. Ведь понимала, что все родное, понимала всю его боль, но больнее тогда было ей. Осознание всей этой ситуации, что одна ночь вот так перевернёт её жизнь было просто невозможным. Ведь она хотела насладиться моментами с ним, хотела, чтобы они вместе нянчили их ребёнка, ведь он должен был появиться на свет так скоро... Она жила в гостинице для персонала. Когда мужа положили в барокамеру, то она даже ночами сидела рядом с ним на стуле. Ухаживала за ним, никого к нему не подпускала. Временами врачи его фотографировали, говорили, что для науки, но ей тогда просто хотелось выгнать их, отобрать фотоаппарат, но она понимала, что сделать этого не может, ведь иначе не сможет попасть к нему. Васе должны были делать операцию. Параметры здоровья подходили только лишь младшей сестры Наташи, но он наотрез отказывался, говорил, что лучше умрет... В итоге отдать частичку себя согласилась старшая сестра, после операции ей было хуже всего.

Она лежала вся перебинтованная, с кучей уколов. Но зато она надеялась, что брат будет жить...

13 мая хоронили Виктора Кибенка. Его жена, Татьяна, слёзно просила пойти Людмилу с ней, одна она не сможет. Жена Василия ненадолго отлучилась, потом прибежала обратно в гостиницу. Позвонила медсестре, спросила: «Как он там?»— «Пятнадцать минут назад умер». Последние его слова: «Люся! Люсенька!»— «Только отошла. Сейчас прибежит», — успокоила медсестра. Вдохнул и затих... Людмиле тогда было очень плохо, она подошла к окну и кричала: «Почему? За что?» Смотрела на небо и кричала... Затем быстро ринулась вниз, увидеть его в последний раз. Он все еще лежал в барокамере. Пока не увезли...

В морге спросили: «Хотите, мы вам покажем, во что его оденем?»— «Хочу!»— сказала она. Одели в парадную форму, только её разрезали, натянуть не могли, не было уже целого тела. Все- кровавая рана.

На похоронах машина ездилa кругами, отгоняла фотографов. Когда свинцовые гробы заливали бетоном, она стояла с его ботинками, ведь они не налезли на опухшие ноги. После смерти мужа, Людмила три дня просто лежала и плакала. Она не хотела есть, пить, она лишь хотела вернуть Василия. Вскоре должна была родиться дочка, Наташенька, так назвал её папа. Но из-за того, что Людмила находилась всегда рядом с мужем, который уже был ядерной бомбой, всю радиацию впитывал ребенок. Дочь смогла прожить лишь несколько ча-

сов, после чего она умерла. У неё был врождённый цирроз печени. Дитя ей отдавать не хотели.

Вот что свидетельствует сама Людмила:

«Тогда они принесли ей деревянную коробочку: «Она там». Я посмотрела: её запеленали. Она лежала в пелёночках. И тогда я заплакала: «Положите ее у его ног. Скажите, что это Наташенька». Там, на могилке, не написано :Наташа Игнатенко... Там только его имя... Она же была еще без имени, без ничего... Только душа... Душу я там и похоронила...

Я прихожу к ним всегда с двумя букетами: один-ему, второй- на уголок кладу ей. Ползаю у могилы на коленках. Всегда на коленках... Я ее убила... Я...она...спасла... Моя девочка меня спасла, она приняла весь радиоудар на себя, стала как бы приемником этого удара. Такая маленькая. Крохотулечка. Она меня уберегла. Но я любила их двоих... Разве... Разве можно убить любовью? Такой любовью! Почему это рядом? Любовь и смерть. Всегда они вместе. Кто мне объяснит? Кто мне подскажет? Ползаю у могилы на коленках...

В Киеве мне дали квартиру. В большом доме, где теперь живут все, кто уехал с атомной станции. Все знакомые. Квартира большая, двухкомнатная, о какой мы с Васей мечтали. А я сходила в ней с ума! В каждом углу, куда ни взгляну- везде он. Его глаза... Начала ремонт, лишь бы не сидеть, лишь бы забыться. И так два года... Снится мне сон... Мы идем с ним, а он идет босиком. «Почему ты всегда необу-

тый?» – «Да потому. Что у меня ничего нет». Пошла в церковь... Батюшка меня научил: «Надо купить тапочки большого размера и положить кому-нибудь в гроб. Написать записку- что это ему». Я так и поступила. Приехала в Москву и сразу- в церковь. В Москве я к нему ближе. Он там лежит, на Минском кладбище... Рассказываю служителю, что так и так, мне надо тапочки передать. Спрашивает: «А ведомо тебе, как это делать надо?» Еще раз объяснил... Как раз несли отпевать дедушку старого. Я подхожу к гробу, поднимаю накидочку и кладу туда тапочки. «А записку ты написала?» – «Да, написала, но не указала на каком кладбище он лежит». – «Там они все в одном мире. Найдут его».

У меня никакого желания жить не было. Ночью стою у окна, смотрю на небо: «Васенька, что мне делать? Я не могу без тебя жить». Днём иду мимо детского садика, встану и стою... Глядела бы и глядела на детей... Я сходила с ума! И стала ночью просить: «Васенька, я рожаю ребенка. Я уже боюсь быть одна. Не выдержу дальше. Васенька!» А в другой раз так попрошу: «Васенька, мне не надо мужчины. Лучшие тебя для меня нет. Я хочу ребёночка».

Она работала кондитером. Торты лепит, а слезы катятся и ничего сделать с этим не могла. Совсем скоро у нее родился мальчик. Андрейка... Ведь подруги её останавливали, что ей нельзя рожать, врачи пугали, мол организм не выдержит. На УЗИ показали, что он будет без правой ручки. «Ну и что?» – подумала она. «Научу писать левой».

Она не отлучалась от него ни на шаг. Даже к бабушке отпустить не хотела. Как-то на улице ее прихватил первый инсульт. Тогда она шла с сыном. Почувствовала, что падает и схватилась за его маленькую ручку. Очнулась уже в больнице. Она так хватанула Андрейку за руку, что врачи еле разжали. В следующий раз, когда они выходят на улицу, он ей говорит: «Мамочка, только не хватай меня за руку. Я никуда от тебя не уйду.» Вот так и живут. Боятся друг за друга. А дома в каждом углу Вася. Во сне он приходит к ней и просит: «Покажи нашего ребёночка». Она приходит с Андрейкой... А он приводит за руку дочку. Всегда с дочкой. Играет только с ней.

В помощь пострадавшим в Чернобыльской катастрофе был открыт счёт №904. Каждый человек понимал, какого это терять все, что у тебя есть: машину, дом, вещи, даже целую семью. В нашей стране была сплочённость, каждый готов был поддержать. Состоятельные люди делали взносы в фонд даже около 10 тысяч рублей.

В Киеве рекомендовалось временно не давать детям свежие фрукты и лучше использовать сухое молоко. Но люди не слушались. Из-за этого, возможно, появилось много различных болезней, ведь радиация разъедает человека изнутри и вызывает болезни, приводящие к летальному исходу.

А в зоне отчуждения 10-12 мая небольшие отряды военных расстреливали весь домашний скот, чтобы те не разносили радиацию на большой периметр.

А что же говорить о политике?

После Чернобыльской катастрофы многие страны, включая Турцию, отказывались сотрудничать с Советским Союзом. Они разрывали контракты о строительстве на их территории электростанций по советскому типу, запрещали ставить советские реакторы. В страну пришел полнейший кризис. Требовались расходы на ликвидацию катастрофы, на обеспечение всем нужным работы инженеров, шахтеров, на доставку продовольствия и материалов для саркофага. И помимо этого от СССР отворачиваются многие страны. Наступило сложнейшее время, после которого подняться будет нелегко. В Европе в этот момент тоже было беспокойно. Детям запрещали выходить на улицу, продукты несли исключительно в пакетах. Не хотели повышать риск облучения. В школе учеников, приехавших из Чернобыля, дразнили самыми различными способами. Бывали случаи, когда ребят обзывали, не хотели принимать в коллектив. Но в чем же виноваты дети? Они же сами ничего не знали, почему же они должны страдать?

В ноябре 1986 года возвели первый саркофаг. Его делали с целью, что он простоит 20-30 лет. К 2000 году стали наблюдаться трещины, рядом со станцией стал повышаться радиационных фон. Вследствие выделили около 1,5 млрд евро на постройку нового объекта Укрытие, со сроком службы 100 лет.

Сейчас зона отчуждения стала заповедником. В ней оби-

тают множество редких животных. К примеру, как кони Пржевальского. Она манит своей атмосферой многих сталкеров, которые незаконно проникают в ЧЗО для получения новых ощущений. Каждый день по Припяти ходят экскурсии, на станции работают люди, обеспечивая безопасность её окрестностям, а в Чернобыле живут самоселы.

Эта авария навсегда запомнилась человечеству, особенно тем, кто участвовал в ликвидации или же тем, кто просто застал те времена. Ведь настолько масштабная катастрофа, изменившая жизни многих, сейчас упоминается везде. Каждый знает Чернобыль не как город, а как аварию в ночь на 26 апреля 1986 года. Это война, где враг незаметен. Его не видно, не слышно. Он проникает в человека и заставляет его страдать, испытывать ужасные чувства, а затем и скоропостижно умирать.

Нужно чтить память людей, которые спасли наши жизни. А их насчитывается около 600 тысяч. Именно они бросились бороться с радиацией. Ведь помните, что мы расплачиваемся за ошибки наших предков.